

биологическими существами», «вроде живых организмов» (ну да, у Афлатуни живые организмы они и есть: вирусы, от них болеет и заживо погибает жизнь)? Может быть, что-то о принципиальной незрелости и неготовности человека в его актуальном состоянии? О том, что человеку еще предстоит расти, что он пока только в своем начале?

А побеждает в этой изначально поврежденной, задохновенной жизни — все-таки любовь. Та самая, которая здесь, казалось бы, почти невозможна. Над Мёртвым полем, где зарыты расстрелянные, в память всех погубленных поднимается крест, наконец-то получено разрешение на раскопки, чтобы всех найти и похоронить по-человечески, на поле — обещают Плюше в два голоса православный священник и ксендз — построят

целых две часовни, православную и католическую, между часовнями посадят сад, все примирились, все радуются... только происходит все это, судя по всему, в последних видениях умирающей Плюши. «Кто-то из молодых тоже начинает танцевать рядом, другие просто удивленно поглядывают и хлопают в ладоши. А Плюша все кружится, поднимает руки и подпрыгивает, и поле, огромное поле, в ее глазах кружится, и подпрыгивает, и уносится куда-то вместе со всеми людьми, кустами и птицами».

Любовь побеждает, оставляя жизнь позади, — сбрасывая ее, как изношенную шкуру.

Будет ли исцелена этим посмертным примирением и прощением жизнь на краю поля? Читатель об этом уже не узнает.

Галина Климова

На два голоса

И что же, значит, это жизнь была?
И больше не покажут ничего?
Не спрашивайте, как мои дела, —
их больше нет.
А жизни вещество
не исчезает, и сторев дотла.

О.Х.

Истории отечественной литературы хорошо известны примеры семейных союзов поэтов: Дмитрий Мережковский — Зинаида Гиппиус, Николай Гумилёв — Анна Ахматова, Евгений Евтушенко — Белла Ахмадулина, Аркадий Штыпель — Мария Галина и другие. Разных масштабов личности, разные времена и отношения. Одним из проявлений творческой общности, «семейственности», совместного служения слову стали поэтические книги «на двоих»: Инна Лиснянская и Семён Липкин — «Вместе» (2000), Владимир Британишский и Наталья Астафьева — «Двуглас» (2005), Илья Фаликов и Наталья Аришина — «Сговор слов» (2008). И вот теперь Олег Хлебников и

Анна Саед-Шах «Навсегда» (2019), вышедшая в издательстве «Время» после внезапной кончины Анны Саед-Шах.

Это экзотическое и потому запомнившееся имя — «фамилии твоей причуда», по определению Олега Хлебникова — я узнала в 90-х, когда собирала антологию московской женской поэзии «Московская муза» и составляла словник будущих авторов. Встретиться тогда не случилось, Аня сказала, очень занятой, сославшись на ремонт дома. Тема ремонта, мне кажется, преследовала ее по жизни с маниакальным упорством. Так «Московская муза» вышла без подборки стихов Саед-Шах, о чем позже мы обе не раз сожалели.

Собственного мнения об Анне Саед-Шах как о человеке у меня долго не было. Но память предъявляла черно-белый портрет необычайной красоты девы в большой меховой (лисийей,

Анна Саед-Шах, Олег Хлебников. Навсегда. Бесконечный разговор: роман в стихотворениях. — М.: Время, 2019.

песцовой?) шапке. Под портретом — лирические стихи с живой раскованной интонацией, выбивавшейся из сводного женского хора советских поэтесс. Это была подборка из «Юности» (1986). Таким и осталось первое впечатление: не похожая на других, талантливая, «вся из плоти и темных глаз». Уже потом, лет через пятнадцать добавилось: добрая, неумная в своих порывах и метаниях, непредсказуемая и авантюрная, страстная и очень ранимая «современная тетка», успевавшая все и сразу: после школы выкинула фортель — выскочила замуж за непальца, учившегося в Москве якобы «друга Раджа Капура», и, став матерью двух прекрасных дочерей, вскоре бежала из Катманду, из богатой, очень уважаемой и набожной семьи мужа к себе в Москву, в Кузьминки. Сказать, что Аня — любящая мать, бабушка и прабабушка, — значит ничего не сказать. Орлица, боевая орлица, охранительница гнезда, готовая сразить наповал или глаза выклевать за своих, если что не так...

Нас сдружила Болгария. В начале 2000-х в Болгарском культурном центре на Ленинградском проспекте проходили интереснейшие встречи с поэтами и писателями, запомнившиеся как события литературной жизни: вечера поэта и переводчика Александра Ревича, презентации антологии стихов «Из жизни райского сада» (с выступлением философа Георгия Гачева), «Болгария в русской поэзии» и много других, когда бывший особняк Рябушинского не вмещал желающих. Общими стали — переводческая работа и друзья: поэт и редактор легендарного литературного журнала «Факел» Георгий Борисов, незабываемый директор Болгарского культурного института в Москве Белла Цонева-Динкова, актриса и вдова поэта Ивана Динкова, Божана Апостолова, крупный издатель и поэтесса, стихи которой мы тогда переводили. Анины переводы Божане понравились больше, чем мои, и вскоре в Болгарии вышла книга Анны Саед-Шах: стихи и переводы с болгарского.

Встреча с Аней и Олегом в Коктебеле, на Волошинском поэтическом фестивале в 2008 году сблизила нас еще больше. После моего выступления — я читала стихи «Когда я не была твоей женой, твоей гражданской маленькой войной» — Аня подошла и тепло обняла: — До слез. Это было сказано очень тихо, совсем по-свойски, и сомнений не оставалось: тема семьи — болевая точка и ее жизни, и ее поэзии.

О бурной семейной жизни Анны Саед-Шах и Олега Хлебникова — больше 30 лет вместе — слышаны не только перedelкинские друзья и соседи. Многих привлекал их открытый гостеприимный дом. Кто только не сидел у здесь за столом: летом на веранде, а зимой в доме... Евгений Евтушенко, Евгений Рейн, Андрей Вознесенский и Зоя Богуславская, Евгений Сидоров, Вячеслав (Кома) Иванов и его жена Светлана, Олег Чухонцев и Ирина Поволоцкая, Юрий Корякин, Алексей Герман и Светлана Кармалита и другие. Многие утешали, убеждали и поддерживали Аню и Олега в минуты семейных неурядиц:

...И неумело
Женя нас с тобой мирил,
заговаривала Белла.

«Своя» среди литераторов, сценаристов, журналистов, композиторов и певцов Саед-Шах работала с Давидом Тухмановым, ее песни пели Иосиф Кобзон, София Ротару, Филипп Киркоров и другими. Но любимой исполнительницей и соавтором ее песен стала дочь — Раиса Саед-Шах.

Аня удивительным образом сочетала в себе стопроцентную московскую богомность и гостеприимность. Муза домашнего литературного салона, надежная подруга и радушная хозяйка: курица с карри и плов с бараниной — всегда на бис. Хотя:

Мой обед не горький и не сладкий,
из житейской жидкой требухи —
все твои грехи и недостатки
подсолю и запеку в стихи.

В последние годы мы часто виделись в московском театре «Модерн», где у Саед-Шах — как у заведующей литчастью — был свой кабинет, доставшийся ей со всей атрибутикой соцарта. При встречах и особенно по телефону мы взахлеб говорили о стихах, о прозе и о прозе жизни... Ведь ее будничная жизнь была перенасыщена событиями быта, перегружена и переполнена нескончаемыми делами и тревогами о ближних. Многозаботливая, жертвенная, она безотказно помогала не только ближним. Как заправский водила (всегда за рулем!), разруливала всякие нештатные ситуации, не допуская ДТП. В ее ближний круг входили также приемные дочери — несколько девушек из детского дома, которых Аня поддержала еще в лихие 90-е. С тех пор они, уже ставшие на ноги и сами родившие детей, стали неразлучны и звали Аню — мамой.

диалог о любви... Никто ничего толком не знает о любви, хотя внезапность потери способна приблизить человека к пониманию и правде великого, главного чувства», — написал во вступлении Евгений Сидоров, известный литературный критик, друг и сосед по Переделкину.

Всё, что было мной, — не приняла.
Изменился — снова не признала.
А когда изыбшие тела
Прижимались, — челюсти сжимала.

О.Х.

А в ответ:

Нам оставалось так немного
друг с другом счастье горевать,
когда за пазухой у Бога
вдруг стало тесно. И кровать
с утра глядела недотрогой,
как та малышка в тот июль...
И как воздушная тревога —
был твой воздушный поцелуй!

Любовь — притяжение и отталкивание,
страстное признание/узнавание и такое же
страстное отторжение/отрицание друг друга.
Кому такое под силу?

Я тебя не люблю, не люблю,
не люблю тебя — знать не желаю.
Позабуду лицо — к сентябрю,
тело — к маю.
Проблуюсь в привокзальной пивной,
простучу позвонки электричкой,
чтобы ты не осталась со мной —
ни надеждой, ни сном, ни привычкой.

О.Х.

А что взамен? Любви шепот?
На этом свете — чем прельститься,
чтоб духом не унижить плоть,
чтоб жизнью не успеть обжиться.

А.С.-Ш.

Хронически изматывающее двоеборье бытия — «вдвоём веществом взрывоопасным оказались» — доводило обоих до отчаянья, до крайней черты и оно же вдохновляло на стихи.

Я только время ненавижу.
Никто не смог — оно смогло

стать для тебя родней и ближе,
чем я, и литься сквозь стекло.

О.Х.

Ну что ты, всё прошло,
Я не переживаю,
Я так фотогенична,
Особенно весной!
Гляди, я получилась
ну прямо как живая,
и ты, со мной и с кошкой,
ну прямо как родной.

А.С.-Ш.

Многие стихи Олега Хлебникова (почти все они без дат) написаны уже после смерти Анны Саед-Шах — вслед, чтобы длился разговор. Пока говоришь, пишешь стихи, видишь во сне, вспоминаешь — все живы. Невозможно отпустить эту связующую нить, эту спасительную соломинку... Так у Хлебникова появился цикл «После 11 февраля 2018». В каждом из 22 стихотворений — голос одинокого, тяжело раненного человека: крик, скорбь, растерянность, саднящее чувство вины, присущее всем, кто жив, боль утраты и мотивация жизни.

Но бесконечный наш разговор
Ты прерывать не велишь —
Так же, как раньше. И тем до сих пор
от лиха меня хранишь.

Этот горький и очень откровенный разговор, который заглушает «шеренги дней/ в армии вселенской пустоты», этот крутой любовный роман на два голоса необходимо — по жизненным показаниям — длить. Стихи срослись друг с другом не только темами, образами, интонациями, но и тем невыразимым веществом поэзии, которое подтверждает их подлинность. Стихи словно стали едиными, как прожитая — одна на двоих — жизнь. Жизнь НАВСЕГДА.

Всё, что смертным следует хлебнуть,
Отхлебнули мы на этой тризне.
Радуйся! —
Один остался путь:
По вершинам волн и выше чуть, —
И уже совсем немного жизни.

О.Х.

Даниил Чкония

Таинство дара

Новая книга Николая Александрова, известного литературного критика и телеведущего, «Всё моё» не подчиняется никаким жанровым определениям. Повесть, эссе, эпистолярный жанр, даже пародия, все пришлось здесь к месту. Чтение этой книги — порой грустноватый, порой веселый взгляд на окружающий мир, ироническое его восприятие, выраженное через самоиронию, смех сквозь слезы, парадоксальное осмысление жизни во всех ее проявлениях, разговор о культуре как содержании бытия.

Парадокс проявляется с самого начала, потому что читается книга легко, без напряжения, а точки глубокого и умного суждения задерживают внимание читателя постоянно. Иными словами, ты вдруг перечитываешь целые абзацы, осмысляешь их, летишь дальше от страницы к странице, не заметив этой своей остановки, проглатываешь куски текста, а потом ловишь себя на желании вернуться на десятки страниц назад, чтобы проверить свое впечатление и закрепить его в своем сознании.

Восхищает умение автора в рассуждениях о самых разных и — на поверхностный взгляд — простых и мелких явлениях жизни переводить разговор на уровень серьезного и глубокого вывода, суждения, постановки вопроса, обозначения проблемы.

Ну, взять хотя бы такой пример. Вы сидите перед экраном телевизора, нажимаете на кнопки дистанционного пульта, неожиданно оказываетесь в атмосфере какой-либо юмористической программы. Артист или сам автор-исполнитель со сцены развлекает публику развеселыми новеллками или набором анекдотов. В зале царит веселье. И вдруг вы слышите текст, который вызывает ваше недоумение: не смешно и пошло, унижительно для человеческого достоинства. Бывает, камера

ползет по рядам, простите за резкость, ржущих по поводу этого текста, но вдруг останавливается на грустном и недоуменном выражении лица человека, воспринимающего и оценивающего ситуацию так же, как и вы. И вы этому одинокому персонажу сочувствуете.

Николай Александров тоже размышляет о природе юмора. Размышляет о том, что «глупость не знает чувства юмора, поэтому и смешна. Можно сказать и так, недостаток чувства юмора — одно из свойств глупости». И далее автор развивает свою, вроде бы, очевидную мысль, выходя на другую: «Беда в том, что многие глупость начинают изобретать, выдумывать, утрировать, до нелепости доводить... И тогда смех получается нарочитым... дурацким... И это нехорошо, потому что сами авторы-юмористы на публику смотрят как на сборище идиотов... В степени презрения все и дело... Действительно, одно дело шутки шутить, а другое — дураков дурачить. А вот тонкая пародия в публике видит соратников, и здесь скорее уж автор будет умалывать себя, нежели демонстрировать свое пренебрежение аудитории».

В этом размышлении о природе смеха точно сформулировано определение популярно-примитивного смехачества, но еще важнее пойманная мысль о том, что умный юморист скорее станет умалывать себя, что свойственно не только автору юмористического сочинения, но и умному человеку в любой сфере жизнедеятельности.

Александров в своей книге свободно перемещается по пространству жизни, географическому пространству культуры и времени, легко пересекая границы, лучше сказать — не признавая границ. Цитирует древних авторов, подкрепляя свои рассуждения о том или ином предмете или явлении, беседует с современниками, спорит или соглашается с ними, сталкивает читателя с парадоксальным видением общеизвестных «аксиом».